Brachnost', rozhdaemost',

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ в РОССИИ и в СССР

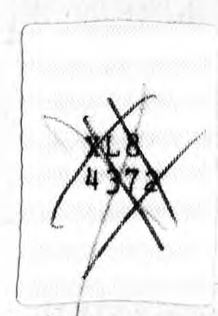
СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией
канд. экон. наук *А. Г. Вишневского*

Москва «Статистика»
1977

312
Б87

Б87 **Брачность,** рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей. Под. ред. А. Г. Вишневского. М., «Статистика», 1977.

247 с. с ил.

В сборник включены статьи историко-демографического плана и статьи, отражающие актуальные вопросы отечественной демографии. В работе рассматриваются брачность, смертность и становление нового типа рождаемости в СССР, а также демографические процессы в дореволюционной России.

Книга рассчитана на демографов, историков, социологов, экономистов и на тех, кто интересуется проблемами народонаселения.

Б $\frac{10805-159}{008(01)-77}$ 41-78 312

ПРЕДИСЛОВИЕ

Демография — наука, чей возраст (он исчисляется со времени работ Джона Граунта) перевалил за три столетия, в последние десятилетия переживает свое второе рождение. Само слово «демография», прежде известное лишь узкому кругу специалистов, ныне все чаще встречается в важнейших политических документах, стало обычным на страницах массовых изданий, прочно вошло в словарь журналиста, политика или ученого. Этот внешний признак возросшего общественного интереса к демографической проблематике — закономерное отражение глубоких исторических изменений в воспроизводстве населения, места, которое заняли в жизни современного общества проблемы народонаселения, порой достигающие большой остроты, практической важности демографических исследований.

Старая «классическая» демография, которая ограничивала свои задачи в основном измерением отдельных демографических явлений и была практически тождественна демографической статистике, оказалась не в состоянии ответить на поставленные жизнью вопросы, дать качественный анализ происходящих демографических изменений, связать их со всеми изменениями в экономической, социальной, политической, культурной сферах. Для того чтобы демографическая наука смогла выполнять роль, отвечающую новым условиям, понадобилось резко расширить вовлекаемый в исследования материал и в то же время существенно пополнить арсенал методов его анализа.

Внутри единой отрасли знаний — демографии — стали развиваться все новые и новые подотрасли, изучающие связь демографических процессов и явлений с экономическими, социальными, этнокультурными и другими процессами, пользующиеся методами соответствующих наук (экономики, социологии, этнографии и т. д.). В результате сегодня можно с большим или меньшим осно-

Р. И. Сифман

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ за 1897—1914 гг. [1]

I. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ИСЧИСЛЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ за 1897—1914 гг.

Необходимость в исчислениях численности населения России после первой всеобщей переписи населения 1897 г. вызывается явной недостоверностью соответствующих данных официальной дореволюционной статистики. К этому вопросу неоднократно обращались как отдельные авторы до революции, так и советские исследователи.

Данные Центрального Статистического Комитета (ЦСК). После переписи 1897 г. ЦСК регулярно публиковал в своих ежегодниках данные о численности населения как по России в целом, так и по административным подразделениям (губерниям, уездам). Однако даже при самой поверхностной критической проверке этих данных они оказываются настолько неубедительными, что возможность их использования была поставлена под сомнение всеми авторами, касавшимися этого вопроса. Если произвести простейший контроль опубликованных ЦСК данных, т. е. сопоставить разницу между численностью населения на начало и конец года с превышением числа родившихся над числом умерших, то оказывается, что общий прирост населения как по территории государства в целом, так и по Европейской России за ряд лет на сотни тысяч, а иногда и на миллионы превышает естественный прирост, хотя очевидно, что этого не могло быть, поскольку сальдо внешней миграции России вообще очень

[1] Настоящее исследование было выполнено в основной своей части в начале 30-х годов, но ранее не публиковалось. Автор с признательностью вспоминает О. А. Квиткина и С. Г. Струмилина, чьими консультациями она пользовалась при выполнении этой работы.

незначительное по сравнению с естественным приростом было отрицательным, а из Европейской России происходил отлив населения в азиатские губернии.

Известно, что сводные данные о численности населения Российской империи в целом и Европейской России получались ЦСК путем суммирования данных местных расчетов губернских статистических комитетов. Чем руководствовались в этих расчетах на местах, остается неизвестным [1].

Судя по тому, что данные ЦСК по отдельным губерниям расходятся с цифрами, опубликованными соответствующими губернскими статистическими комитетами, можно предположить, что сведения, представленные последними, подвергались в ЦСК переработке. Но остается неясным, почему в ЦСК не производили общепринятый контроль местных расчетов, т. е. не сопоставляли их в сумме с балансом естественного прироста и миграции.

Ошибочность исчислений ЦСК явилась, как это указывалось рядом авторов, в основном результатом недостоверности данных о механическом движении населения. В примечаниях к сведениям о населении в ежегодниках ЦСК с 1909 г. появилось указание о включении в расчет механического движения там «где имелись какие-либо данные по этому вопросу». До этого отмечалось, что «механическое движение не было принято во внимание за неимением данных». Фактически механический прирост начал, по-видимому, включаться в расчеты раньше, так как уже с 1903 г. общий прирост населения превышал естественный прирост.

Источником завышенной оценки механического прироста населения был недоучет выбывших, который имел несколько причин:

1. Выбывшие из сельских местностей учитывались в числе городского населения на основании данных прописки, но не вычитались из сельского населения. На этот источник ошибок указывал С. Г. Струмилин [2]. Но если этот источник ошибок был бы единственным, то превы-

[1] В архиве ЦСК, хранившемся в Ленинградском отделении Исторического архива, не удалось обнаружить никаких инструктивных указаний местным органам по вопросу о методах исчисления населения. Нами были просмотрены все дела ЦСК за 1897—1914 гг. по разделу статистики населения и не было обнаружено даже никакого упоминания о существовании инструкции.

[2] См.: Предисловие к книге Е. З. Волкова «Динамика народонаселения СССР за 80 лет». М., 1930.

шение общего прироста населения над естественным было бы не больше механического прироста по городам. Между тем если определить на основании данных о численности городского населения и данных о его естественном приросте (см. табл. 1) величину механического прироста городского населения, то окажется, что она составляет, например, за 1908 г. — 1143 тыс., за 1909 г. — 696 тыс., в то время как превышение общего прироста над естественным по России в целом равно по данным ЦСК за те же годы — соответственно 2146 и 1351 тыс.

2. Переселенческое движение из Европейской России в Сибирь и из северных губерний в южные отражалось в расчетах численности населения односторонне. Переселившиеся прибавлялись в местах вселения, но не всегда вычитались в местах выселения. Так, за 1908 г. превышение общего прироста сельского населения над естественным по Сибири по данным ЦСК составляет около 0,5 млн. человек, причем почти все это количество приходится на Томскую губернию — основной район вселения переселенцев. Одновременно с этим по европейской части России общий прирост сельского населения даже превышал естественный (на 200,6 тыс. человек).

Таблица 1

ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) ЗА 1905—1913 ГГ., ТЫС.

Годы	Городское население			Сельское население			Все население		
	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 1—гр. 2)	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 4—гр. 5)	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 7—гр. 8)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1905	305,8	155,4	+150,4	2133,2	1698,6	+434,6	2439	1854	+585
1906	405,5	189,7	+215,8	2259,5	2218,3	+ 41,2	2665	2408	+257
1907	754,7	206,6	+548,1	2626,3	2438,4	+187,9	3381	2645	+736
1908	1341,2	198,5	+1142,7	3273,8	2270,5	+1003,3	4615	2469	+2146
1909	889,2	193,7	+695,5	2779,8	2124,3	+655,5	3669	2318	+1351
1910	655,5	198,2	+457,3	2515,5	2002,8	+512,7	3171	2201	+ 970
1911	644,6	239,0	+405,6	3356,5	2548,0	+808,5	4000	2787	+1214
1912	794,2	247,3	+546,9	2188,8	2574,7	—385,9	2983	2822	+ 161
1913	2140,2	194,0	+1946,2	2094,8	2313,0	—218,2	4235	2507	+1728

Источники: «Статистические ежегодники России» за соответствующие годы и «Отчеты Управления Главного врачебного инспектора».

3. Как указывается в ряде источников, неполно учитывались и выбывшие из городов при значительно более полном учете прибывших.

4. Наконец, правильность погодной динамики численности населения по расчетам ЦСК искажалась тем, что в некоторые годы в расчеты городского населения вводилась накопленная величина механического прироста за ряд предшествующих лет, что приводило к особенно резкому преувеличению прироста за эти годы. (На этот источник ошибок в исчислениях населения ЦСК указал А. А. Чупров [1].)

Весьма показательны в этом отношении данные о динамике численности населения по Москве. В результате игнорирования механического прироста за первые годы после переписи 1897 г. и преуменьшения его в последующие годы (до 1908 г.) рост населения Москвы по расчетам ЦСК значительно отстал от действительности. Это было, по-видимому, обнаружено при получении данных краткого учета населения Москвы в 1907 г. Вероятно, как результат использования последних в данных ЦСК, появляется огромный скачок в численности населения Москвы за 1908 г., выразившийся величиной в 318 тыс. человек.

С 1909 по 1912 г. мы наблюдаем опять незначительный прирост в 21—30 тыс. человек в год, а затем новый скачок за 1913 г. в 200 тыс., что является, вероятно, результатом использования переписи 1912 г. [2]. Подобные скачки отразились, разумеется, и на движении численности населения по стране в целом.

Что касается самой исходной цифры расчетов — численности населения за 1897 г. по Российской империи в целом (126 368 тыс. без Финляндии), — то трудно догадаться, откуда она взята. Она меньше численности постоянного населения по переписи 1897 г. (126 587 тыс.), но больше численности наличного населения (125 640 тыс.).

---

[1] См.: *Чупров А. А.* По поводу «плана» преобразования статистической части империи, предполагаемого Центральным Статистическим Комитетом. Статистический вестник. Кн. 1 и 2. 1916—17 гг. Изд. Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук. М., 1917, с. 91.

[2] Источники данных о численности населения Москвы: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губ. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914—25 гг. М., 1927; Перепись Москвы 1902 года. Ч. I. «Население». М., 1906; Исчисление населения г. Москвы в феврале 1907 г. Вып. I. М., 1907.

А. А. Чупрову удалось вскрыть происхождение этой цифры. Она представляет собой численность постоянного населения по первому выпуску издания предварительных итогов переписи, полученных на основании местных подсчетных ведомостей[1]. А. А. Чупров замечает, что, по-видимому, в самом ЦСК в дальнейшем забыли, откуда эта цифра взята.

Другие исчисления. Исчисления ЦСК после переписи 1897 г. подвергались критике уже в период их публикации. Так, Управление Главного врачебного инспектора МВД (в дальнейшем УГВИ) систематически приводило в своих отчетах параллельно с данными ЦСК собственные данные о численности населения, рассчитанные на основе естественного прироста[2]. По отчетам УГВИ на середину 1913 г. численность населения по империи в целом (без Финляндии) была на 6,3 млн. меньше, чем по данным ЦСК (см. табл. 2).

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) НА СЕРЕДИНУ ГОДА ПО ДАННЫМ ЦСК И «ОТЧЕТАМ» УГВИ, МЛН. ЧЕЛ.

Годы	Данные ЦСК	Данные УГВИ
1905	145,2	147,2
1906	147,8	147,0
1907	150,8	149,7
1908	154,8	152,6
1909	158,9	156,0
1910	162,3	158,3
1911	165,9	160,8
1912	169,4	164,0
1913	173,0	166,7

В наших послереволюционных публикациях имеется ряд вариантов ревизии официальных расчетов населения

[1] См.: *Чупров А. А.* Указ. соч., с. 90.

[2] Управление Главного врачебного инспектора получало непосредственно от местных статистических комитетов всей империи, т. е. включая Польшу, Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию, предварительные данные о естественном движении населения, которые и приводило в своих публикациях. — «Управление Главного врачебного инспектора Министерства Внутренних Дел. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России».

России до первой мировой войны (работы В. А. Зайцева[1], Е. З. Волкова[2], данные ЦСУ СССР). Они все сходятся на том, что цифры ЦСК преувеличены, но дают различную оценку степени этого преувеличения. Критика сведений о населении, опубликованных ЦСК, дана и в капитальном исследовании А. Г. Рашина о движении населения России за 100 лет[3].

II. ИСЧИСЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897—1914 гг. ПО ДАННЫМ О ЕСТЕСТВЕННОМ И МЕХАНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Методика расчета. Возможности получения достоверных погодных данных о численности населения России за 1897—1914 гг. из-за неполноты текущего учета движения населения довольно ограничены. Тем не менее детальный анализ источников учета естественного движения населения по отдельным частям страны и миграции из России и обратно (результаты этого анализа изложены ниже) привел нас к выводу, что, несмотря на значительную дефектность данных текущего учета населения, они все же позволяют, при условии некоторых поправок и доисчислений, произвести примерный расчет динамики численности населения России после переписи 1897 г. путем сведения баланса между естественным и механическим приростом.

Наша задача осложнялась тем, что мы не располагали возможностью сверки результатов наших расчетов с данными последующей переписи. Некоторые авторы (например, Е. З. Волков) использовали для этой цели сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг.[4].

Мы отказались, однако, от использования этих переписей как конечных контрольных точек наших исчислений. Перепись 1897 г. и переписи 1916 и 1917 гг. учитывали различные категории населения и охватывали неодинаковые территории. Для приведения результатов этих переписей к сопоставимому виду понадобилось бы такое

[1] См.: *Зайцев В.* К вопросу о численности населения Европейской России. — В кн.: Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. II. М., 1927.

[2] См.: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет.

[3] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956, с. 20—24.

[4] См.: *Волков Е. З.* Указ. соч., с. 131—182.

количество поправок и пересчетов, что неточности, связанные с этими пересчетами, могли бы оказаться больше возможной ошибки наших исчислений.

Возникает вопрос: какую цифру населения принять за исходную для расчетов?

Численность наличного населения по переписи 1897 г., как известно, почти на 1 млн. меньше численности постоянного населения. Такого большого превышения в действительности, очевидно, не могло быть, так как разница между обеими категориями населения в общем итоге могла возникнуть только за счет незначительного числа лиц, находящихся за границей.

Редакторы публикаций переписи объясняют эту разницу, во-первых, смешением при производстве переписи понятий постоянного и приписного населения, из-за чего лица, проживающие постоянно в какой-либо местности, но приписанные к другой, регистрировались дважды, во-вторых, несвоевременным исключением умерших или окончательно выселившихся в месте приписки[1].

Такого же мнения относительно причин расхождения цифр наличного и постоянного населения по переписи 1897 г. придерживался и С. А. Новосельский[2]. Считая эти объяснения вполне правдоподобными, положим в основу наших расчетов численность *наличного* населения по переписи 1897 г.

Расчет естественного прироста населения России

Общая характеристика полноты регистрации. Естественное движение населения в царской России устанавливалось по записям духовенства, представляющим собой для основной массы населения регистрацию обрядов, совершаемых при рождениях и смертях.

Для лиц православного вероисповедания (69,4% всего населения империи в 1897 г.) достоверность данных о родившихся и умерших, полученных на основании церковной регистрации, не вызывает особых сомнений. Обряды при рождении и смерти настолько глубоко вкоренились в сознание и весь уклад жизни, что обойти их было почти невозможно. Оказаться вне регистрации могли только некоторые случаи смерти вскоре после рождения до совершения обряда крещения. Правда, в губерниях с редким населением, где приходы были очень растянуты и требы совершались священниками наездами (северные губернии, Сибирь), детей крестили поздно, и поэтому иногда оставались некрещеными не только умершие через несколько дней или недель после рождения, но и умершие в более позднем возрасте[1].

Первичные сводки составлялись духовенством путем извлечения из метрических записей. Работа эта поручалась обычно низшему духовному персоналу (псаломщикам и т. п.). А при невысоком культурном уровне последнего первичные приходские сводки, составление которых представляло собой сравнительно сложную статистическую операцию, грешили, естественно, многочисленными ошибками. Надо полагать, что если по отдельным губерниям в результате этих погрешностей разработки и могли получиться довольно большие отклонения от истины, то в материалах о родившихся и умерших по стране в целом эти ошибки не могли привести к сколько-нибудь существенным искажениям.

Регистрация естественного движения населения у католиков и протестантов находилась примерно в таком же состоянии, как и у православных. В тех губерниях, где лица этих вероисповеданий были представлены в незначительном количестве и не смогли поэтому образовать самостоятельных приходов, случаи запоздалой регистрации и пропусков представляли собой, как и в губерниях с редким православным населением, явление довольно распространенное. Однако и здесь эти пробелы не могли отразиться существенно на естественном приросте, так как в основном касались как родившихся, так и умерших. Общее количество лиц с относительно достоверной регистрацией естественного прироста (православные, протестанты, католики) составляло 81,4% общей численности населения Российской империи (по переписи 1897 г.).

[1] Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905, ч. I, с. V.

[2] См.: *Новосельский С. А.* К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. — «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», 1914, № 3.

[1] См.: Статистический временник Российской империи. Спб., 1872, с. V; *Бушен А.* Об устройстве источников статистики населения России. Спб., 1864, с. 81.

Из более поздних исследований, содержащих оценку достоверности регистрации рождений и смертей в России, следует указать: *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. — Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Ч. II. Пг., 1916.

Хуже обстояло дело с учетом среди раскольников и нехристианских вероисповеданий.

Духовенство, не принадлежащее к господствующей религии, естественно, не находилось в таком контакте с правительственными учреждениями, как православное духовенство. Оно не считало себя в такой степени, как последнее, обязанным выполнять требования, предъявленные к нему органами власти, а с другой стороны, оно и не пользовалось доверием этих органов. В результате этого регистрация рождений и смертей часто возлагалась не на духовных лиц, а на специальных доверенных правительства. Так, например, у евреев регистрация производилась не так называемым духовным раввином, совершающим обряды, а «казенным» раввином, специально уполномоченным правительством на ведение метрических записей.

Сектантские священники вовсе не признавались правительством, и регистрация естественного движения населения среди сектантов была возложена на полицию или передана ей для непосредственного контроля.

Регистрация рождений и смертей у этих групп населения, поскольку она производилась не лицами, совершавшими обряды, не была, очевидно, как среди православных, гарантирована обязательностью этих обрядов. Население, принадлежавшее к таким национальностям и группам, не ожидая ничего хорошего от какого бы то ни было соприкосновения с правительственными органами, всячески избегало регистрации.

Замечание Варшавского Статистического Комитета о том, что евреи избегают какой бы то ни было регистрации и стараются по мере возможности вне ее родиться, жить и умирать, может быть распространено на прочие нехристианские группы и на раскольников.

При расчетах величины естественного прироста населения по империи мы внесли поправки на неточность регистрации по тем территориям, где группы, в отношении которых есть основания предполагать возможность недоучета естественного прироста, расселены значительным массивом. При этом мы отказались от поправок для раскольников ввиду отсутствия материалов для таких поправок, а также учитывая, что последние составляли лишь очень незначительную величину в общем итоге населения (1,75% в 1897 г.).

Известно, что в сборниках ЦСК сведения о естественном движении населения публиковались только по 50 губерниям Европейской России, где в 1897 г. проживало лишь 74,3% населения империи. Отсюда не следует, однако, что данные по остальным 25,7% населения были настолько недоброкачественны, что ими нельзя пользоваться.

Материалы по азиатской части России не вводились в публикации ЦСК из-за того, что в них давались сводки по возрастам, месяцам года и другим признакам, по азиатским же губерниям, за исключением некоторых частей Сибири, разработка таких подробных сведений не была налажена.

Что же касается достоверности учета общего числа родившихся и умерших, то по большинству сибирских губерний оно вызывает не большие сомнения, чем по ряду губерний Европейской России. Хуже обстояло дело с достоверностью регистрации в Средней Азии и на Кавказе.

Анализ существующих материалов показал, что в качестве дополнения к данным, опубликованным в сборниках ЦСК, можно использовать статистические приложения к «всеподданнейшим отчетам» губернаторов и отчеты о состоянии народного здравия УГВИ, охватывающие население всего государства.

Естественный прирост населения Европейской России. Православные, католики и лютеране — массив населения, имеющий сравнительно достоверную регистрацию естественного движения, — составлял около 90% всего населения европейской части России, что уже служит гарантией относительной доброкачественности данных о естественном приросте по этой основной части Российской империи.

В литературе имеются указания на неполноту регистрации естественного движения еврейского населения Европейской России, в особенности на недоучет родившихся девочек[1]. В целом по Европейской России на 100 родившихся среди еврейского населения девочек за период 1897—1910 гг. приходилось 126—133 мальчика, в то время как для православного населения рождения мальчиков составляют по отношению к рождениям девочек 104—105%.

---

[1] См.: *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики, с. 279—280.

Надо, однако, учесть, что среди евреев и регистрация умерших мужского пола производилась лучше, чем умерших женского пола.

Исправление за счет неполноты регистрации женских рождений и смертей привело нас к общей поправке к естественному приросту евреев в размере 15%. Поправка эта, которая должна быть признана минимальной, так как и в отношении лиц мужского пола среди евреев также существовал некоторый недоучет естественного прироста, внесена за все годы с 1897 по 1914 г.

Естественный прирост населения Сибири. Основную массу населения Сибири (85,8%) составляли православные. Среди православного населения Сибири можно было ожидать, как уже указывалось, некоторого недоучета как родившихся, так и умерших, вызванного большой территорией приходов в этих местах. Едва ли, однако, здесь можно предполагать сколько-нибудь значительное преуменьшение естественного прироста.

Плохо была поставлена, вернее, почти вовсе не была поставлена регистрация среди национальных меньшинств так называемого инородческого населения. Но недоучет этот не может иметь для наших расчетов существенного значения. Рядом специальных исследований по малым народностям Сибири установлено, что они в условиях царской России либо имели очень незначительный прирост, либо вовсе не имели его, либо даже вымирали[1]. Отсутствие сведений по этим народностям не может поэтому отразиться на данных о естественном приросте населения Сибири, в смысле его преуменьшения, чего нам следует с точки зрения правильности наших расчетов особенно опасаться.

Общие коэффициенты естественного прироста по Сибири в целом были выше, чем по Европейской России, и сохранялись примерно на одном уровне за весь период 1897—1913 гг. (см. табл. 3). Последнее в некоторой степени свидетельствует о том, что регистрация естественного движения населения Сибири достигла к началу XX в. уже довольно большой полноты.

Исходя из изложенного выше мы приняли естественный прирост населения Сибири без всяких поправок, пользуясь данными местных статистических органов в том виде, как они были опубликованы в статистических приложениях к губернаторским отчетам, а по отдельным годам пользовались данными, опубликованными в сборниках УГВИ (с внесением поправки за счет разницы между предварительными и окончательными данными). Выведенные таким образом показатели естественного прироста населения Сибири за весь 17-летний период только незначительно превышали показатели, приведенные в отчетах УГВИ. Учитывая это, мы при расчетах естественного прироста по другим частям государства в ряде случаев также пользовались последними.

[1] См.: *Патканов С. Т.* О приросте инородческого населения Сибири. Спб., 1911.

Таблица 3

КОЭФФИЦИЕНТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЗА 1897—1913 ГГ., ‰

Годы	Коэффициенты			Годы	Коэффициенты		
	рождаемости	смертности	естественного прироста		рождаемости	смертности	естественного прироста
1897	49,3	29,3	20,0	1906	50,2	32,6	17,6
1898	48,5	32,3	16,3	1907	49,2	32,2	17,0
1899	55,2	35,8	19,4	1908	51,9	33,4	18,5
1900	52,4	35,9	16,5	1909	53,8	35,0	18,8
1901	51,3	30,8	20,5	1910	52,7	31,4	21,3
1902	49,3	32,3	17,0	1911	50,7	31,1	19,6
1903	50,1	28,8	21,3	1912	49,6	30,9	18,7
1904	49,5	33,0	16,5	1913	49,0	31,1	17,9
1905	45,4	31,5	13,9				

Естественный прирост населения привислинских губерний. Исчисление естественного прироста по 10 польским губерниям (Привислинский край) осложняется из-за недоучета рождаемости и смертности еврейского населения, составлявшего 14% всего населения края.

Так же как и в Европейской России, записи о рождениях и смертях производились в отношении еврейского населения не теми лицами, которые совершали обряды[1], что приводило к недоучету явлений естественного движения еврейского населения, и для исправления этих показателей надо, так же как и по Европейской России, принять поправку в 15%.

[1] На это указывалось в «Трудах Варшавского Статистического комитета». Вып. VII, XII, XVI.

Естественный прирост населения Средней Азии и Кавказа. Наибольшие трудности вызывают расчеты естественного прироста населения Средней Азии. Все наши сведения о состоянии и движении населения Средней Азии до революции чрезвычайно неполноценны. Ни переписи, ни текущая регистрация движения населения не дают здесь сколько-нибудь достоверных цифр.

Имеется официальное признание недоброкачественности дореволюционных данных о движении населения в Средней Азии. Комиссия под председательством графа Палена, обследовавшая деятельность областной администрации Туркестанского генерал-губернатора, дает следующую характеристику работы статистических комитетов в области учета населения: «Сведения о движении населения, о числе браков, родившихся и умерших, о распределении его по народностям и вероисповеданиям, собираемые ежегодно через уездную администрацию, до очевидности неверны, так как у туземцев не ведется никаких метрических записей, а возложенные на волостных управителей обязанности по ведению подворных списков с показанием прибыли и убыли населения обыкновенно не исполняются. Кроме того, выработанные комитетом формы таблиц и ведомостей настолько сложны, что правильное заполнение их едва ли под силу для малограмотных и малоинтеллигентных письмоводителей при приставах и волостных управителях, не говоря уже о туземных должностных лицах, сплошь да рядом не понимающих русского языка. При таких условиях творцами почти всех собираемых статистических данных являются письмоводители при участковых приставах, которые в лучшем случае черпают требуемые сведения из имеющихся данных за прежние годы, а в худшем — заполняют присылаемые таблицы и ведомости фантастическими цифрами»[1].

Эту характеристику можно отнести и к деятельности Сырдарьинского статистического комитета. Так же оценивает «Отчет ревизии» и данные статистических комитетов некоторых других областей Средней Азии.

Особенно плохим в Средней Азии был, видимо, учет по Сырдарьинской и Самаркандской областям. Коэффициент рождаемости составлял по данным регистрации

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенного по Высочайшему повелению сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленом. Спб., 1910, с. 309—310.

за 1897—1901 гг. по Самаркандской области 6 на 1000 населения за год, по Сырдарьинской — 13,1, соответствующие коэффициенты смертности — 6,4 и 7,5.

По исключении этих двух областей по оставшимся 7 получаем динамику естественного движения населения, обнаруживающую определенное повышение в последние предвоенные годы коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста, т. е. обычную картину изменения коэффициентов при улучшающейся регистрации. Поэтому исчисление естественного прироста населения по Средней Азии в целом нами произведено на основании коэффициентов по этим 7 областям за последние годы периода 1897—1913 гг.

Такой прием следует признать довольно грубым, так как остается неясным, наладилась ли регистрация в последние годы изучаемого нами периода настолько, чтобы можно было признать коэффициенты за эти годы соответствующими действительности. Уровни рождаемости и смертности, вероятно, все еще занижались в результате неполноты регистрации. Однако сопоставление их с данными по европейской части России и анализ возрастной структуры населения по переписи 1897 г. приводят нас к выводу, что если коэффициенты за последние годы изучаемого нами периода и отклоняются от истины, то для этих лет погрешность в показателях естественного прироста не может быть очень большой.

Среднегодовой коэффициент естественного прироста населения Средней Азии составлял за 1909—1913 гг. 14 на 1000 населения, коэффициент по Европейской России за тот же период — около 16 (по данным ЦСК). Во всяком случае, отсутствие дополнительных данных не позволяет внести в этот расчет какие-либо другие уточнения.

По Кавказу, за исключением двух областей с преобладанием русского населения (Кубанской и Ставропольской) с общей численностью населения 2,8 млн. человек из 9,3 млн. всего населения (по переписи 1897 г.), состояние регистрации естественного движения населения было примерно таким же, как и по Средней Азии[1]. Не останавливаясь здесь подробно на результатах произведенного нами анализа данных, заметим только, что мы и

[1] См.: *Пантюхов.* К статистике кавказской патологии. Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. 1898, № 61.

здесь пришли к выводу, что единственным возможным способом исправления этих данных является исчисление естественного прироста за весь отрезок времени на основании коэффициентов, исчисленных для последних лет. Сведения по Кубанской и Ставропольской областям приняты нами без поправок по данным отчетов УГВИ.

Естественный прирост населения по России в целом. Результаты наших исчислений величины естественного прироста населения по отдельным частям страны сведены в табл. 4.

Таблица 4

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1897—1913 ГГ. (с поправками), ТЫС.

Годы	Европейская Россия	Привисленские губернии	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия	Всего
1897	1725,1	180,3	141,2	115,1	103,1	2264,8
1898	1479,5	185,0	142,4	95,7	107,6	2010,2
1899	1761,2	184,3	144,1	105,9	110,2	2305,7
1900	1808,5	188,6	164,0	101,5	112,6	2375,2
1901	1592,1	185,4	161,7	129,3	116,3	2184,8
1902	1798,9	229,3	163,6	111,3	109,3	2412,4
1903	1884,4	195,8	172,6	143,7	121,5	2518,0
1904	1981,5	176,6	186,2	113,2	125,2	2582,7
1905	1431,6	158,9	168,9	96,7	124,5	1980,6
1906	1875,2	186,1	186,5	127,5	127,2	2502,5
1907	2122,1	194,9	194,0	130,6	128,2	2769,8
1908	1864,9	196,2	177,0	151,3	131,0	2520,4
1909	1712,3	190,4	172,0	165,0	135,9	2375,6
1910	1569,9	198,7	154,0	198,4	145,0	2266,0
1911	2051,6	205,9	182,1	189,7	149,8	2779,1
1912	2060,4	208,1	215,0	185,8	154,6	2823,9
1913	1987,5	(208,1)	218,6	184,8	155,5	2754,5
Всего за 1897—1913 гг.	30706,7	3272,6	2943,9	2345,5	2157,5	41426,2

Помимо естественного прироста на динамику численности населения России оказывала некоторое влияние внешняя миграция, к рассмотрению которой мы и переходим.

III. ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ ЗА 1897—1913 гг.

Эмиграция в царской России не была урегулирована в законодательном порядке и оставалась вплоть до революции явлением полулегальным, поэтому и статистика миграции в России почти отсутствовала.

Вместо статистики миграции имелась статистика выезда и въезда через границы Российской империи по данным регистрации таможен. Последняя охватывала все случаи перехода через границу с документами в руках. Так как все пассажиры, переезжающие границу в том или ином направлении как морским, так и сухопутным путем, подлежали обязательной регистрации, то легальная миграция была этим источником учтена полностью; не учитывались, естественно, случаи нелегального перехода через границы.

Переходили границу, минуя таможни, лица, не имеющие средств на получение документов, скрывающиеся от воинской повинности и другие подобные категории населения. Возможности такого обхода узаконенного порядка при переходе границы с Германией обрисовывались в докладной записке Министерства торговли и промышленности: «...Несмотря на существование в Германии правительственного распоряжения, согласно которому не могут быть допускаемы на германскую территорию русские подданные, не имеющие паспорта и не могущие в качестве доказательства своей имущественной обеспеченности предъявить сумму в 400 марок... русские эмигранты, перешедшие границу тайно и не имеющие заграничных паспортов, в случае предъявления иных эмигрантских билетов Гамбургской или Бременской мореходной компании, беспрепятственно пропускаются жандармскими полицейскими властями в пределы Германии. Словом, для того, чтобы обойти требование русского закона, русскому эмигранту достаточно отдать себя в распоряжение агента эмиграционной конторы, кооперирующей с той или другой из вышеназванных мореходных компаний. Такой агент, отлично осведомленный о том, где и когда бдительность русских пограничных властей не служит препятствием для тайного перехода границы, охотно берется за организацию такого перехода и предлагает свои услуги по легитимации эмигранта перед властями по ту сторону границы» [1].

В какой степени случаи нелегального перехода границы были частым явлением? Определение возможного

[1] Материалы к вопросу об упорядочении эмиграционного движения из России. Министерство торговли и промышленности. Спб., 1906, с. 54—55.

количества этих случаев имеет, по-видимому, решающее значение для оценки возможности использования данных таможен для характеристики размеров эмиграционного движения между Россией и другими странами. Наилучшим способом разрешения этого вопроса является контроль данных о выезде русских подданных по русским материалам путем сравнения их с цифрами оседания по статистике стран иммиграции.

По расчетам, приведенным в работе В. В. Осинского[1], общее количество выходцев из России, осевших в разных странах, в 1901—1910 гг. составляет 1656 тыс. человек. Превышение же прибывших русских подданных по Европейской и Азиатской границам над выбывшими за тот же период — 1574 тыс. человек. Таким образом, разница за десятилетие выражается величиной в 82 тыс. человек, или 5%. Такая степень точности для наших расчетов, несомненно, приемлема.

К сказанному необходимо добавить, что неучтенной осталась, по-видимому, и некоторая часть иммигрантов по Азиатской границе. В обзорах о пассажирском движении через внешние границы в Ежегодниках ЦСК отмечается, что в пределы империи незаконно проникает немало китайцев и корейцев, причем их число нельзя определить даже приблизительно[2]. Часть их, по-видимому, оседала в России, и в некоторой степени эта нелегальная иммиграция могла компенсировать нелегальную эмиграцию. Таким образом, для определения размеров миграционного движения по Российской империи вполне допустимо принять данные о пассажирском движении через ее границы.

В нижеприведенные погодные данные о притоке русских и оттоке иностранных подданных включены все зарегистрированные случаи перехода границы как по паспортам, так и по краткосрочным документам (см. табл. 5). Последние выдавались пограничным жителям для облегчения переезда через границу на короткое время (так называемые «легитимационные билеты») и крестьянам, направляющимся на сельскохозяйственные работы в Германию («плацкартные паспорта»).

[1] См.: *Оболенский (Осинский) В. В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и в СССР. М., 1928, с. 17.

[2] См.: *Патканов С. Т.* Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897—1907 гг. — «Ежегодник России за 1909 г.».

Таблица 5

ПАССАЖИРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦЫ РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1897—1913 ГГ., ТЫС.

Годы	Русские подданные		Иностранные подданные		Чистый отток русских подданных	Чистый приток иностранных подданных	Сальдо (гр. 6—гр. 7)
	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие			
1	2	3	4	5	6	7	8
1897	1518,9	1605,8	2352,7	2273,4	86,9	79,3	—7,6
1898	1809,0	1907,7	2242,6	2159,0	98,7	83,6	—15,1
1899	2018,2	2156,1	1910,0	1814,9	137,9	95,1	—42,8
1900	2080,7	2209,9	1811,2	1748,7	129,2	62,5	—66,7
1901	2384,4	2501,6	2564,3	2466,7	117,2	97,6	—19,6
1902	2658,2	2766,9	3189,4	3094,4	108,7	95,0	—13,7
1903	3107,5	3276,8	2966,4	2884,3	169,3	82,1	—87,2
1904	3489,0	3614,4	2802,0	2747,3	125,4	54,7	—70,7
1905	4399,8	4637,5	3352,8	3343,4	237,7	9,4	—228,3
1906	6215,3	6383,1	2925,7	2905,3	167,8	20,4	—147,4
1907	6562,1	6804,5	2938,0	2834,7	242,4	103,3	—139,1
1908	6472,5	6601,3	2814,3	2732,0	128,8	82,3	—46,5
1909	7376,0	7495,8	3532,5	3423,5	119,8	109,0	—10,8
1910	7466,4	7623,0	3375,0	3324,2	156,6	50,8	—105,8
1911	7746,7	7894,7	3543,7	3451,7	148,0	92,0	—56,0
1912	8325,5	8505,1	3896,1	3781,3	179,6	114,8	—64,8
1913	8965,0	9124,2	4098,5	3914,2	159,2	184,3	+25,1
Всего за 1897—1913 гг.	82595,2	85108,4	50315,2	48899,0	2513,2	1416,2	—1097,0

Источники: «Статистические ежегодники России» и «Обзоры внешней торговли» Департамента таможенных сборов Министерства торговли и промышленности за соответствующие годы («Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границе»).

Огромное большинство — около $^{9}/_{10}$ всех передвижений через границу — приходится на эти временные переезды на короткий срок, не имеющие значения для характеристики миграционного движения. Нам пришлось, однако, принять в расчет и эти случаи при выведении балансов оттока и притока населения, так как ввиду дороговизны заграничных паспортов эмигранты пользовались нередко краткосрочными документами. На это указывает и систематическое превышение числа выбывших над числом прибывших по краткосрочным документам.

С 1907 г. департамент таможенных сборов ввел в свои публикации данных о внешнем пассажирском движении также и прибывших без видов на жительство, количество которых колеблется по годам между 0,72 и 1,55% всех прибывших. Эта категория состоит из лиц, выбывших без документов, потерявших свои документы или незаконно выбывших по краткосрочным документам и явившихся при возвращении добровольно в русские таможни. Но эта категория мигрантов не включена нами в подсчет, так как из нее невозможно выделить тех, кто уже однажды был учтен среди прибывших или выбывших.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ ИСЧИСЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897—1914 гг.

Общие результаты наших исчислений сведены в табл. 6.

Таблица 6

РАСЧЕТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) ЗА 1897—1914 ГГ.

Годы	Абсолютные данные: Естественный прирост (исправленный), тыс. человек	Абсолютные данные: Внешняя миграция, тыс. человек	Численность населения, млн.: на начало года	Численность населения, млн.: среднегодовая	Естественный прирост на 100 человек среднего населения	
1897	2075,7*	—6,9*	125,6**	126,7	1,79	
1898	2010,2	—15,1	127,7	128,7	1,56	
1899	2305,7	—42,8	129,7	130,8	1,76	1,70
1900	2375,2	—66,7	131,9	133,1	1,78	
1901	2184,8	—19,6	134,2	135,3	1,61	
1902	2412,4	—13,7	136,4	137,6	1,75	
1903	2518,0	—87,2	138,8	140,0	1,80	
1904	2582,7	—70,7	141,2	142,5	1,81	1,68
1905	1980,6	—228,3	143,7	144,6	1,37	
1906	2502,5	—147,4	145,5	146,7	1,71	
1907	2769,8	—139,1	147,8	149,2	1,86	
1908	2520,4	—46,5	150,5	151,8	1,66	
1909	2375,6	—10,8	153,0	154,2	1,54	1,65
1910	2266,0	—105,8	155,3	156,4	1,44	
1911	2779,1	—56,0	157,5	158,9	1,75	
1912	2823,9	—64,8	160,2	161,6	1,75	
1913	2754,5	+25,1	163,0	164,4	1,68	
1914	...	...	165,7	...	...	

* Ввиду того, что итог переписи 1897 г. относится к 28 января, за 1897 г. взят прирост не за весь год, а только за 11 месяцев.

** Наличное население по переписи 1897 г.

Окончательная цифра численности населения Российской империи на начало 1914 г., полученная путем последовательного прибавления к величине наличного населения по переписи 1897 г. ежегодных данных о естественном приросте и передвижениях через границу, составляет 165,7 млн.

При оценке достоверности этой цифры необходимо учесть, что, несмотря на все поправки, внесенные в непосредственные данные регистрации естественного движения населения, все же возможно, что допущен некоторый недоучет естественного прироста. С другой стороны, допущено некоторое преуменьшение эмиграции за счет недоучета нелегальных переходов границы. Оба эти недоучета действуют в противоположных направлениях, но трудно сказать, компенсируют ли они друг друга полностью.

За 17-летний промежуток времени — от переписи 1897 г. до начала 1914 г. — население России выросло на 40,1 млн. человек. Превышение родившихся над умершими за этот период составляло 41,2 млн. (в среднем за год 2,4 млн. человек).

Естественный прирост явился таким образом решающим фактором в формировании населения России в предреволюционный период. Сальдо внешней миграции незначительно влияло на динамику населения и было отрицательным.

Несмотря на слабую заселенность, большое количество малоосвоенных территорий и исключительные естественные богатства, Россия была, как известно, страной эмиграции. Нищета, хозяйственная отсталость, угнетение национальных меньшинств — все это способствовало выезду людей в другие страны, в первую очередь за океан. За 17 лет Россия потеряла в результате внешней миграции свыше 1 млн. человек. Особенно значителен был отток населения в период русско-японской войны и реакции, последовавшей после первой революции. На три года (1905—1907 гг.) приходится почти половина потери населения за 17-летний промежуток времени (515 тыс. из 1129 тыс.), а на 1905 г. — 20% этих потерь.

Динамика показателей, вычисленных по отношению к населению, показывает снижение прироста населения в течение рассматриваемого периода. Среднегодовой темп естественного прироста за пятилетие (1897—1901 гг.)

составлял 1,7‰, за 1902—1906 гг. — 1,68‰, 1907—1911 гг. — 1,65‰. Естественный прирост населения России до войны снижался, таким образом, хотя и медленно, но довольно последовательно. Способ наших расчетов не представляет, к сожалению, возможности проследить, за счет каких именно изменений рождаемости и смертности складывалась эта динамика прироста.

Б. Н. Миронов

ТРАДИЦИОННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье предпринята попытка воссоздать социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина XIX — начала XX в. и проверить правильность построенной модели с помощью данных демографической статистики.

При написании работы использовались пять групп источников: 1) материалы архива Русского географического общества (в дальнейшем РГО) о движении народонаселения в ряде губерний и уездов, волостей и городов в первой половине XIX в., собранные приходскими священниками в 40—60-е годы XIX в.; 2) исследования о быте и нравах крестьян, произведенные штатными и внештатными сотрудниками РГО до и после реформы 1861 г.; 3) фольклорные материалы[1]; 4) исследования земских служащих, в особенности земских врачей, выполненные и опубликованные в пореформенное время; 5) данные государственной демографической статистики.

Демографическое поведение русского крестьянина XIX — начала XX в. непосредственно определялось главным образом его взглядами на брак, семью, детей. Взгляды же эти отражали нормы обычного права, этические нормы, своим происхождением и существованием обязанные целому комплексу социально-экономических факторов, в ряду которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной формы, высокая смертность, необеспеченная общиной и государством ста-

[1] Весь фольклорный материал взят из следующих сборников и работ: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957; *Желобовский А. И.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. — В кн.: Филологические записки. Воронеж, 1892; *Ивановская Т.* Дети в пословицах и поговорках. — «Вестник воспитания», 1908, кн. 2.

рость были важнейшими. Нормы семейного права не давали крестьянам (здесь имеются в виду и мужчины и женщины) никаких альтернатив: они были категорическим императивом. Несоблюдение норм ставило земледельца вне сельского общества, он подвергался самосуду.

В отношении демографического поведения, как и социального поведения вообще, можно сказать, что отдельная крестьянская личность игнорировалась, растворялась, поглощалась, сливалась с сельской общиной — главной социальной группой русской деревни, ее законодателем и правителем. Сельская община являлась малой социальной группой, т. е. группой, которая основывалась на личных контактах, где все члены хорошо знают друг друга. Это давало ей исключительные права и возможности по регулированию поведения крестьян. При этом строжайший социальный контроль, цензура нравов, от которой практически невозможно укрыться[1], оказывались лучшими регуляторами поведения, и ни в чем крестьяне не проявляли столько жестокости, как в отношении семейных нравов. Вымазанную дегтем и обсыпанную пухом и перьями женщину, которую, привязав к телеге, вел мужик по деревне в наказание за измену, можно было видеть в деревне еще в конце XIX в.[2]

Вообще для русского крестьянина все его отношения с односельчанами, включая брачные и семейные отношения, имели не столько интимный, сколько публичный характер. Свадьба, в которой участвовала почти вся община; общественное признание или, наоборот, поругание новобрачной в случае, если она не сохранила девственность; публичное разбирательство на сходе семейных конфликтов и наказание тут же на месте провинившихся розгами — служат тому подтверждением. Русская деревня в изучаемое время была еще очень патриархальна.

Такие принципы, как индивидуализм, свобода личности и ее право на интимную, независимую от общества жизнь, — не проникли в деревню, а тем паче в семейные отношения. Публичность всех межличностных отношений на селе имела следствием подчиненность личности строгим, четким, не дающим альтернатив нормам поведения. Демографическое поведение не представляло исключения.

[1] См.: *Кистяковский А. Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа. — В кн.: Записки Импер. РГО по отделению этнографии. Т. 8. Спб., 1878.

[2] См.: *Горький М.* Вывод. — Собр. соч. Т. 2. М., 1949, с. 5—7.

Важная особенность норм крестьянского поведения, в особенности демографического, состояла еще и в том, что эти нормы уже в XIX в. имели немалый возраст, исчисляемый несколькими столетиями, и деревня жила по закону: «чем старее, тем лучше». «Как отцы и деды наши, так и мы. Отцы и деды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего», — говорила пословица. «По мнению крестьян, — писал один наблюдатель сельских нравов, — счастливым можно быть, только соблюдая все завещанные предками обычаи»[1].

«Мрачное умственное состояние», «самое скудное младенческое образование»[2] и связанная с ними глубокая религиозность лишали сельских обывателей способности к самостоятельному критическому мышлению. Критическую оценку опыта предков заменяло у них безусловное следование старине, традиции. Поэтому дети жили, думали, смотрели на мир, как их прадеды[3]. Отсюда глубокая традиционность всего уклада деревенской жизни.

Еще одна особенность норм крестьянского поведения, в том числе демографического, заслуживает упоминания. Эти нормы для крестьянина имели мистический, религиозный характер. Они, по его мнению, были как бы получены его предками от бога, а предки завещали их ему, крестьянину, который должен их сохранить в чистоте и передать потомкам. Все, что было освящено божьим промыслом, имело в деревне исключительное значение.

Каково же содержание норм демографического поведения русского крестьянина прошлого века и в какой мере эти нормы находили воплощение в реальном поведении основной части населения России? Попытаемся дать ответы на эти вопросы.

Брак. С точки зрения русского земледельца XIX — начала XX в. брак — главное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление же в брак — моральный долг[4]. Эти взгляды находили поддержку со стороны церкви.

[1] *Руднев А.* Село Голунь и Новомихайловское Тульской губернии. — В кн.: Этнографический сборник. Вып. II. Изд. Импер. РГО. Спб., 1854, с. 103.

[2] См.: *Воронов П.* Вельский уезд Вологодской губернии. — Архив РГО, разряд 7, д. 29 (1859 г.), л. 102.

[3] См.: *Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Спб., 1890, с. 13.

[4] См.: *Звонкова А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии. — В кн.: Сборник сведений для изучения быта сельского населения России. Вып. I. М., 1889, с. 87.

До брака крестьянский парень, хотя ему за 20 лет, никем в деревне всерьез не воспринимался. Он — «малый». Уже в самом названии статуса неженатого парня скрыта ущемленность его прав и какая-то неполноценность. И действительно, «малый» находится в полном подчинении старших. Он не имеет голоса ни в семье («не думает семейную думу»), ни на крестьянском сходе — главном органе крестьянского самоуправления. Даже деревню ему не разрешают покинуть на короткий срок. Только после брака «малый» становится «мужиком» — полноправным членом семьи и мира — сельской общины, обладает комплексом прав и обязанностей полноценного члена крестьянского общества[1]. «Холостой, что бешеный. Холостой — полчеловека», — говорили крестьяне.

Неженатые мужчины презирались в деревне, их клеймили самыми позорными для крестьян именами, прозывали «вековушами», вслух бесцеремонно выражали свои догадки об их физическом уродстве как причине холостого состояния. Крестьяне считали, что не женятся только физические и нравственные уроды: парни плохого рода, разорившихся семей или прослывшие «непутящими», «забубенными головами», кои завертелись смолоду, забыв страх божий и наставления родителей.

Невеселая судьба ожидала незамужнюю женщину. Недаром говорилось: «без мужа жена — всегда сирота». По крестьянским понятиям женщина без мужа не имела самостоятельной ценности: «птица крыльями сильна, жена мужем красна». Пословица «жизнь без мужа — поганая лужа» точно отражала мироощущение крестьянки, по роковым для нее обстоятельствам оказавшейся без семьи, поэтому крестьянка девичеству всегда предпочитала самую худую партию.

Подобные взгляды крестьян на брак в первую очередь обусловливались экономическими и правовыми условиями, в которых им приходилось добывать хлеб свой насущный. Прежде всего неженатый крестьянин, а тем более крестьянка не могли получить земельный надел — главный источник средств существования — и «сесть» в тягло, т. е. платить налоги, нести повинности. А без «тягла» они не могли иметь и никаких прав. Взрослый холостой мужчина оказывался поэтому в неопределенном отношении к обществу.

[1] См.: *Ильинский Ф.* Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец, 1893, с. 1—3.

Не менее важным было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально функционировать лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно покоилось на половозрастном разделении труда. По воззрениям крестьян «мужик» не должен делать женской работы, а «баба» — мужской. Вся работа по дому, бытовое обслуживание мужчины считалось делом женских рук. Полевая же работа лежала в основном на мужских плечах, хотя и здесь не обходилось без помощи женщины, например при уборке урожая. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное нормально функционировать и удовлетворять материальные потребности обоих.

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что хозяйственная и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первой же возможности, делала безбрачие почти невозможным в их глазах: «В нашем быту, — говорил тамбовский крестьянин, — без бабы никак невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом, чего доброго и сам завертишься, да и какая то жизнь; сиди весь век бобылем; никто тебе приветного слова не скажет, никто не присмотрит на старости лет, а умрешь — и похоронить некому будет»[1]. Ему вторит вятская крестьянка: «Мужику должен быть и обед приготовлен и рубашка припасена, поэтому тот только не женится, кому не на что жить»[2].

Невозможность холостой жизни земледельца объясняет громадную роль материального расчета при женитьбе. Это дало основание многим наблюдателям крестьянской жизни считать брак хозяйственной сделкой и отрицать какое-либо значение взаимной склонности, эмоций и наличие других нематериальных соображений у жениха и невесты. В основе крестьянского брака лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет; крестьянин женится не по страсти, а по необходимости считал, например, знаток крестьянского быта XVIII — первой половины XIX в. В. И. Семевский[3].

[1] *Богаевский П. М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. — В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. I, М., 1889, с. 12.

[2] *Звонкова А. П.* Указ. соч., с. 87.

[3] См.: *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. — «Устои», 1882, № 2, с. 72.

Пословица «для щей люди женятся, для мяса замуж идут» грубо, но метко характеризует понимание земледельцами мотивов брака. По их понятиям не любовь, а нужда служили оправданием брака, нужда же брак и облагораживала.

Следует заметить, что и «малый», и «девка», а особенно их родители, толкающие детей на ранний брак, — одни из желания получить работницу в дом, другие из-за страха, что в девках засидится, — не питали больших иллюзий по поводу той жизни, которая ждала молодую семью: «жениться не все веселиться; женился на век заложился». Стремление к вступлению в брак было характерно поэтому для подавляющего большинства крестьян, причем не только тех, которые еще не состояли в браке, но и для овдовевших.

Отрицательное отношение крестьян к холостой жизни обусловило высокую брачность в деревне. По имеющимся данным (правда, не очень надежным, так как данные об общей численности населения и его возрастной структуре до самого конца XIX в. не могли быть особенно достоверными) в 1801—1860 гг. коэффициент брачности (в расчете на 1000 человек старше 15 лет) в среднем по Европейской России находился на уровне 16‰, варьируя в отдельные пятилетия от 13 до 19‰ [1]. В сельской местности брачность была еще выше, — вероятно, порядка 18—20‰ [2].

Однако со второй половины 60-х гг. XIX в. в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности: коэффициент брачности (на 1000 жителей) в 1861—1865 гг. равнялся 11‰, 1871—1875 гг. — 10‰, а к концу XIX в. понизился до 9‰ [3] (см. табл. 1). Тем не менее брачность оставалась очень высокой и в начале XX в.

---

[1] См.: *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика населения. Спб., 1892, с. 339.

[2] См.: *Луканин А.* Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному положению по данным X ревизии. — В кн.: Записки Импер. РГО по отделению статистики. Т. 5. Спб., 1851; *Воронов П.* Указ. соч., с. 85—86; *Налимов А.* О движении народонаселения по Ново-Ладожскому уезду, за десятилетие 1846—1855 гг. — В кн.: Вестник Импер. РГО, ч. XXX. Спб., 1860, отд. II, с. 57—60 и др.

[3] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. ч. I. Спб., 1903, с. 8—13 (продолжение сноски на следующей стр.).

В условиях российской деревни коэффициент брачности в 11‰, который можно принять средним для первой половины XIX в., означал, что более 70% женщин старше 16 лет и более 80% мужчин старше 18 лет или более 75% взрослого населения в каждый данный момент состояло в браке [1]. К концу XIX — началу XX в. вследствие снижения уровня брачности до 9‰ доля состоящих в браке крестьян понизилась. По данным переписи населения 1897 г. доля женатых и замужних крестьян в Европейской России составляла 65,1%, но при этом несколько более низком, чем в середине века, показателе к возрасту 40—49 лет в сельском населении Европейской России оставалось всего около 3% мужчин и около 4% женщин, никогда не состоявших в браке [2].

Возраст вступления в первый брак. «Для того лишь только детина достигает совершеннолетия, тот час его и женят», — писал один из исследователей демографического быта русского крестьянина середины прошлого века [3]. За стремлением пораньше женить парня у родителей жениха скрывалось желание иметь дополнительные рабочие руки. Парень же стремился иметь свою «хозяйку» и побыстрее стать полноправным «мужиком».

Что же толкало на ранний брак невесту и ее родителей? С одной стороны, семья невесты была заинтересована подольше сохранить в семье рабочие руки. Недаром ведь и замуж отдавали преимущественно зимой, когда кончалась страда. Однако побеждали неэкономические

Не имея возможности подробно остановиться на снижении брачности в пореформенной деревне, укажем только на вероятные причины этого важного демографического явления: повышение брачного возраста; освобождение крестьян от опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитие промысловой деятельности и особенно отходничества среди крестьянства; общее обеднение и разорение деревни, вызванное невыгодными для крестьян условиями их освобождения; социальное расслоение крестьянства.

[1] *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топографии Череповецкого уезда. Спб., 1880; *Мальшин А.* Медико-топографическое описание Рязанского уезда. — «Земский врач», 1883, № 23, с. 368; *Трубников В. В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии. — В кн.: Сборник статистических сведений о России, изд. РГО, кн. 3. Спб., 1858, с. 415; *Луканин А.* Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному положению по данным X ревизии, с. 206 и др.

[2] См. с. 140 настоящего сборника.

[3] См.: *Пашин В.* О движении народонаселения в Вяземском уезде за 1847—1856 гг. — Архив РГО, разряд 38, д. 9 (1860 г.), л. 14.

соображения. Невеста боялась, что в девках засидится, что всех парней хороших разберут. А родители пуще всего боялись греха: вдруг девка до брака согрешит и тогда позор ляжет и на нее, и на родителей, и на всю родню. В деревне «заблудящая» девица никогда не выйдет замуж и навек обесчестит доброе имя родителей. Но помимо всего прочего ранние браки почти повсеместно в России были исстари приняты, они были элементом обычного семейного права, потому совсем молодых парней и девушек старались поскорее женить и выдать замуж.

Таблица 1

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1801—1913 ГГ. (на 1000 человек населения)

Годы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост	Заключено браков	Число рождений на каждый заключенный брак
1801—1810	43,7	27,1	16,6	10,0	4,4
1811—1820	40,0	26,5	13,5	8,4	4,8
1821—1830	42,7	27,5	15,2	10,3	4,2
1831—1840	45,6	33,6	12,0	9,1	5,1
1841—1850	49,7	39,4	10,3	10,4	4,8
1851—1860	52,4	39,4	13,0	10,7	4,9
1861—1870	50,2	36,9	13,3	10,4	4,9
1871—1880	50,4	36,4	14,0	9,5	5,3
1881—1890	50,4	35,5	14,9	9,1	5,5
1891—1901	49,2	34,2	15,0	9,0	5,5
1901—1910	46,8	30,3	16,5	8,5	5,5
1910—1913	43,9	27,1	16,8	8,0	5,5

Источники: *Покровский В. И.* Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. — В кн.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 2. Спб., 1897, с. 182; *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России. — В кн.: Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г., ч. 2, с. 14—94; *Рашин А. Г.* Указ. соч., с. 38, 40, 154, 172; Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. Спб., 1871, с. 51—67.

В дореформенное время, судя по многочисленным свидетельствам корреспондентов РГО, крестьяне, в особенности помещичьи, вступали в брак в еще более молодом возрасте[1]. Кроме указанных выше причин ранних бра-

[1] См.: *Гиляровский Ф.* Женитьба и замужье. — Архив РГО, разряд 48, оп. 1, д. 90, л. 3; *Пашин В.* Указ. соч., л. 14; *Пономарев А. Г.* О движении населения по Богородскому уезду Московской губернии за 1847—1856 гг. — Архив РГО, разряд 22, д. 7, л. 11—12; *Братолюбов И.* Записка о движении народонаселения по Лужскому уезду С.-Петербургской губернии за 1841—1850 гг. — Архив РГО, разряд 35, д. 9, л. 37—38; *Луканин А.* О движении народонаселения по Соликамскому уезду за 1841—1850 гг. — В кн.: Вестник Импер. РГО, ч. 13. Спб., 1855, с. 267 и др.

ков у крестьян, общих для всего XIX в., здесь действовал такой важный фактор, как принуждение к ранним бракам со стороны помещика в крепостных деревнях и давление в этом же плане властей в удельной и государственной деревне. А причина была простая: полную ренту платили только женатые мужчины, севшие в тягло, неженатые совершеннолетние парни платили половинную ренту.

«Когда парень достигает узаконенных лет (18. — *Б. М.*), то его как можно скорее стараются женить», — указывал, например, один рязанский помещик[1]. Поскольку помещик имел больше возможностей для принуждения, то и брачность у помещичьих крестьян нередко была наибольшей. Так, за 1841—1850 гг. в Лужском уезде Петербургской губернии коэффициент брачности (на 1000 человек населения старше 16 лет) составил у крестьян: помещичьих — 21‰, у государственных — 19,6‰, у дворцовых — 18‰[2].

Земские врачи считали, что браки между крестьянами, которым не исполнилось 20 лет, преждевременны, так как во многих случаях полное физическое и половое созревание у них еще не наступало. Так, около 8% новобранцев в 1874—1901 гг. получили отсрочку по невозмужалости и слабосилию[3]. А ведь им было не менее 21 года! На позднее полное физическое и половое созревание крестьян неоднократно указывалось земскими врачами[4]. У 10—17% девушек к моменту вступления в брак еще не было даже менструаций[5].

Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода отмечается стремление женить детей как можно раньше: обычно девушек — в 16—18 лет, парней — в 18—

[1] См.: *Селиванов В. В.* Год русского земледельца. Соч., т. 2. М., 1902, с. 112.

[2] См.: *Братолюбов И.* Указ. соч., л. 38.

[3] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. I. Спб., 1903, с. 32—33.

[4] См., например: *Богданов Л.* Санитарные очерки Пошехонского уезда. Ярославль, 1881, с. 15.

[5] См.: *Славянский К. Ф.* К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки. — «Здоровье», 1874—1875, № 10, с. 214; *Олихов С.* К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда. — «Земский врач», 1890, № 52, с. 824; *Григорьев И.* О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии. — «Врачебные ведомости», 1883, № 21—23.

20 лет[1]. Даже в пореформенное время в сельскохозяйственных губерниях, таких, как Рязанская, Курская, Орловская, и других, нередко случалось, что отдавали замуж девушек до установленных законом 16 лет — в 15, 14, 13 и даже 12 лет. Крестьяне этих губерний часто обращались к епархиальным властям за разрешением вступить в брак девушкам в возрасте до 16 лет, выдвигая в качестве главного мотива обыкновенно такую причину: необходимо иметь в доме работницу или хозяйку[2].

До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. девушка старше 20 лет считалась уже засидевшейся невестой, а парень 23—25 лет, если ему не предстояла солдатчина, — старым холостяком. После того как все физически здоровые крестьянские парни стали три года служить в армии[3] (призывной возраст 21 год), взгляды на возраст вступления в брак к началу XX в. несколько переменились. У парней появилась тенденция жениться после службы в армии — в 24—25 лет. Девушки же в 21—22 года уже не считались старыми девами[4]. Но все же и в начале XX в. браки у крестьян продолжали оставаться очень ранними[5]. Средний возраст жениха и невесты заметно варьировал по губерниям. Браки «молодели» с севера на юг и с запада на восток. Наиболее молодыми вступали в брак в губерниях, имевших сугубо сельскохозяйственную специализацию. В промысловых же селениях — самые поздние браки. Вот почему в пределах губернии, уезда и даже волости тоже нередко наблюдались возрастные различия.

Говоря о возрасте вступления в первый брак, интересно отметить, что в деревне XIX в. девушка считала большим бесчестьем для себя выйти замуж за «старика» — мужчину старше ее более чем на 2—3 года.

Развод, вдовство, повторные браки. Строгий взгляд крестьян на неверность супругов, их убежденность в том, что брачные узы неразрывны, предполагал прочность

[1] По закону в XIX в. — начале XX в. разрешалось вступать в брак мужчинам 18 лет, женщинам — 16 лет, в XVIII в. — соответственно 15 и 13 лет.

[2] См.: *Славянский К. Ф.* Указ. соч., с. 215.

[3] Срок службы в течение 1874—1914 гг. неоднократно изменялся, колеблясь в пределе 3—5 лет, но все же большая часть крестьян служила 3 года.

[4] *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». Записки Импер. РГО по отделению этнографии. Т. 39. Спб., 1914, с. 4.

[5] Подробнее об этом см. с. 115—117 настоящего сборника.

крестьянских семей. Развод рассматривался крестьянами и православной церковью как тягчайший грех, ибо супруги даны друг другу «по гроб». Только в совершенно исключительных случаях (уход одного из супругов из семьи и бегство из деревни, осуждение мужа или жены на каторгу в Сибирь, в пореформенное время также истязание жены мужем) крестьяне решались на развод, а церковь его санкционировала.

Хотя высшие церковные власти обыкновенно препятствовали разводу, но случалось, что приходские священники (это бывало крайне редко) своею властью расторгали браки[1]. Крестьяне безоговорочно верили, что брак — свят и расторгнут быть не может. Поэтому разводы в деревнях вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1913 г. на 98,5 млн. православных (всех возрастов) был расторгнут всего 3791 брак, причем львиная доля разводов падала на города[2].

Прекращение брака из-за смерти одного из супругов было, конечно, гораздо более частым. Вдовство, по представлениям крестьян, — божье наказание, огромное несчастье. «Лучше семью (семь раз. — *Б. М.*) гореть, чем однова овдоветь. В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде». «Вдовье дело горькое. Нет причитанья супротив вдовьего». И вдовец, и вдова — «круглые сироты», которые нуждаются в сочувствии и помощи: «На вдовий двор хоть щепку брось, и за то бог помилует».

Второй брак вдовых не осуждался: «Возьми, вдовец, себе жену, а деткам мачеху! Не опасайся вдову за себя взять: будешь спокойно спать». Однако крестьяне относились к нему с некоторым подозрением из-за суеверного страха, что и он окажется недолговечным и несчастливым: один раз бог покарал, покарает и второй. Третий же брак в крестьянской среде безусловно порицался: крестьянское мировоззрение не могло примириться с тем, что вдова или вдовец наперекор божьей воле оставить их одинокими, сирыми стремятся изменить свою судьбу. Поэтому крестьяне говорили: «Первая жена от бога, вторая от человека, третья — от черта».

Нужда заставляла перебороть страх вступать вторично или даже в третий раз в брак, причем очень значи-

[1] См.: *Семевский В. И.* Указ. соч., с. 77.

[2] См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Пг., 1915, с. 33.

тельная часть вдовцов, и особенно вдов, вступала в брак с тоже овдовевшими. Но конечно, не всем вдовым удавалось снова жениться или выйти замуж, причем с возрастом шансы на повторный брак резко ослабевали[1].

Рождаемость. Русская дореволюционная деревня практически не знала сознательного ограничения числа рождений в браке. Крестьянки не делали абортов, а подавляющее большинство из них даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности. Об аборте слышали только те, кто жил в городе, а таких в деревне было чрезвычайно мало[2]. Что же касается противозачаточных средств, то о них крестьяне ничего не знали. «Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить», — писал о крестьянах 50—70-х гг. XIX в. новгородский священник Ф. Гиляровский[3]. Через 50 лет в этом отношении все осталось по-прежнему. «Деревня живет естественно-животной жизнью», — считал исследователь начала 20-х гг. М. Я. Феноменов[4]. И потому «бабенка не без ребенка; не по-холостому живем: бог велел».

Очень характерно это «бог велел». И не ради красного словца сказано. Многодетность освящалась православной церковью, прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считалось и церковью, и крестьянами тягчайшим грехом. «У кого детей нет — во грехе живет». Дети — моральное оправдание «плотских радостей», без них и сам брак — грех. Эта догма так глубоко внедрилась в психологию русского крестьянина, что стала нормой поведения, а нормы обычного права крестьянин свято выполнял.

Сколько же детей могла родить за свою жизнь крестьянская женщина в этих условиях? У русской крестьянки в 80—90-е гг. XIX в. половая зрелость (первая менструация) наступала в 15, 16 лет (модальный возраст 16—17 лет), колеблясь в пределах от 17,07 лет в Архангельской до 15,25 лет в Нижегородской губернии[1]. Средний возраст наступления менопаузы у крестьянских женщин в эти же годы равнялся 45 годам, колеблясь в разных губерниях от 42 до 47 лет[2]. Но земские врачи отмечали, что физиологическая стерильность наступала фактически к 40 годам — за 4—7 лет до наступления менопаузы[3] — к этому возрасту детородная деятельность крестьянской женщины, как правило, вынужденно заканчивалась — тяжелые условия жизни и громадные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению.

Если принять, что большинство женщин выходило замуж в возрасте 18—20 лет (в дореформенное время, возможно, несколько ранее), то можно считать, что крестьянка, не овдовевшая до конца детородного периода, могла рожать детей в среднем на протяжении 20—22 лет.

По данным земских врачей, первого ребенка крестьянка рожала спустя 2—2,5 года после замужества. Принимая во внимание крестьянский обычай кормить ребенка грудью «два великих поста», можно думать, что интервалы между последовательными рождениями должны были быть примерно такими же или даже большими (учитывая уменьшение с возрастом вероятности зачатия). Это значит, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8—10 детей.

Правда, следует иметь в виду очень высокую младенческую смертность, которая часто прерывала лактацию и связанную с ней временную стерильность женщины, что вело к сокращению интервалов между рождениями. Но с другой стороны, надо учитывать возможность — весьма реальную в условиях русской дореволюционной деревни — самопроизвольных выкидышей и мертворождений, удлинявших эти интервалы. Поэтому трудно предположить, что среднее число детей, рождавшихся живыми у замужней женщины, даже с учетом младенческой смертности, могло быть намного больше 8—10.

---

[1] Подробнее об этом см. с. 148 настоящего сборника.

[2] См.: *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.—Л., 1929, с. 46; *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. Спб., 1903, с. 57.

[3] *Гиляровский Ф. В.* Женитьба и замужье, л. 3.

[4] *Феноменов М. Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Д. Гадыши Валдайского у., Новгородской губ., ч. 2. Старый и новый быт. М.—Л., 1925, с. 91.

---

[1] См.: *Груздев В. С.* Начало половой зрелости у обитательниц России в зависимости от влияющих на него факторов. — «Журнал Русского общества народного здоровья», 1894, № 5, 6, 7; *Афиногенов А. О.* Указ. соч., с. 29.

[2] См.: *Афиногенов А. О.* Указ. соч., с. 37; *Григорьев И.* Указ. соч., *Синкевич Г. П.* Указ. соч., с. 60 и др.

[3] См.: *Григорьев И.* Указ соч.: *Славянский К. Ф.* Указ соч., с. 216.

Имеющиеся немногочисленные фактические данные в целом подтверждают приведенные выше соображения. Например, костромская крестьянка, жившая в браке до конца деторождения, в 70—80-е гг. прошлого века рожала за свою жизнь в среднем 9,2 ребенка[1], вологодская крестьянка в 1871—1915 гг. рожала в среднем 10,2 раза, в 1921—1925 гг. — 10,3 раза[2]. Если бы начало брачной жизни в точности совпадало с началом половой зрелости, то число рождаемых детей могло бы увеличиться, впрочем, не очень значительно, едва ли оно превысило бы 10—11 детей в среднем на одну женщину. Эту величину — 10—11 детей — можно считать примерной оценкой физиологической плодовитости русской крестьянской женщины в рассматриваемый период.

Однако далеко не всем женщинам удавалось неразлучно прожить с мужем до конца детородного периода. Ранние овдовения, нередкие разлуки на более или менее долгое время (например, в связи с отходничеством) существенно сокращали время, прожитое в фактическом браке, что, естественно, вело к установлению уровня рождаемости заметно ниже уровня плодовитости. В этом же направлении могли действовать и некоторые другие факторы (например, мужское бесплодие).

Отдельные локальные исследования, квалифицированно проводившиеся земскими врачами во второй половине XIX в., дают некоторые данные о том, сколько детей рожали в среднем крестьянские женщины (все, а не только прожившие в браке до конца деторождения). Так, по данным локальных обследований вологодские крестьянки рожали в среднем 6,3 раза, рязанские имели по 7,7 детей, костромские и ярославские — 8, воронежские — 8,9 и т. д.[3].

7—9 детей, рожденных одной женщиной, — это меньше, чем позволяла ее физиологическая плодовитость, но это тоже очень много. Что же побуждало крестьянскую

[1] См.: *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866—1883 гг. Кострома, 1887, с. 58.

[2] См.: *Синкевич Г. П.* Указ. соч., с. 41—42.

[3] См.: *Славянский К. Ф.* Указ. соч., с. 215; *Олихов С.* Указ. соч.; *Соколов Н.* К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки северо-восточного угла Московского уезда. — В кн.: Протоколы и труды IV Московского губернского съезда врачей. М., 1880; *Григорьев И.* Указ. соч., *Шингарев А. И.* Положение женщины в крестьянской среде. — «Медицинская беседа», 1889, № 10, с. 284.

семью к столь высокой рождаемости? В условиях крестьянской жизни было немало оснований для того, чтобы семья испытывала нужду в детях. Дети, по крестьянскому разумению, не радость или, во всяком случае, не столько радость жизни, сколько необходимость. Отсутствие детей воспринималось родителями как большое горе. И горе их понять можно. Без взрослых сыновей крестьянское хозяйство никогда не станет зажиточным: недостаток земли и рабочих рук фатально обрекал его в лучшем случае на «серединку».

Отмена крепостного права в этом отношении ничего не изменила. И в пореформенное время «семьянистое» хозяйство с большой вероятностью могло рассчитывать на благосостояние, по крестьянским меркам, конечно, на устойчивость и основательность. Крестьянские ребятишки рано, с 7—8 лет, начинали помогать родителям, а «работные дети — отцу хлебы». В 16 лет юноша уже был полноценным работником, могущим делать всю крестьянскую работу.

Горе бездетных крестьян еще так велико и потому, что бездетных родителей в глубокой старости очень часто ожидали нужда, нищенство, дно деревенской жизни. По этическим и правовым нормам, которые действовали в общине, сын должен содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Так в действительности и было. В крепостную эпоху подобный взгляд на обязанности детей поддерживался обычным правом и помещиком.

Крестьянский сход, а в крайнем случае и помещик принуждали нерадивых сыновей содержать престарелых родителей. В пореформенное время на страже интересов родителей стало и официальное право. В волостных судах, где разбирались жалобы родителей на детей (судьями там были, как правило, крестьяне), виновные сыновья наказывались штрафом, арестом на несколько дней и в конце концов принуждались к выполнению своих обязанностей перед родителями[1].

«В крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде, — указывал этнограф из крестьян

[1] См.: *Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в Костромской губернии по данным волостного суда. — «Живая старина» год шестой. Спб., 1896, отд. I, с. 471—472.

Р. Я. Внуков. Пятая заповедь («Чти отца своего и матерь», — *Б. М.*) особенно любимая. «Непочетники» (дети не почитающие родителей. — *Б. М.*) — самая обидная кличка для детей»[1].

Необеспеченная старость крестьян вынуждала их иметь детей. Они были для крестьян как бы страховым полисом, счетом в банке на тяжелый день: «Корми сына до поры: придет пора — сын тебя покормит». В случае отсутствия детей крестьяне прибегали к усыновлениям, а в случае, если все дети — дочери, принимали в семью зятьев. Усыновление проходило по приговору сельского общества и — до введения всеобщей воинской повинности — освобождало семью от рекрутчины. «Приемыши» обычно рассматривались как родные дети, не подвергались никакой дискриминации. Крестьяне говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил, да добру научил».

И все же было бы неверно утверждать, что отношение крестьян к многодетности формировалось только под влиянием указанных выше позитивных факторов. Для негативного отношения к ней тоже было немало оснований.

Высокая рождаемость давалась крестьянке нелегко. В продолжении 20, а то и более лет она, как «родильная машина», непрерывно производила детей, не имея времени на дородовой и послеродовой отдых. Громадная физиологическая нагрузка по рождению и кормлению детей и одновременно громадное физическое напряжение, связанное с выполнением домашних и сельскохозяйственных работ, вели к тому, что «больная, худая, изможденная, преждевременно увядшая и состарившаяся фигура деревенской женщины, с тупым, забитым и скорбным лицом повторяется... постоянно, принимая какую-то роковую типичность и необходимость»[2].

Если бы высокая рождаемость у крестьян была четко связана с осознанным стремлением иметь как можно больше детей, то естественной была бы и большая забота родителей об уже родившихся детях. Но чем больше имела детей семья, тем меньше она могла уделять внимания отдельному ребенку. Родители очень заботились о сохранении 2—3 детей, к судьбе других относились хладнокровнее. А в отдельных случаях матери многодетных семей, измученные непосильной нагрузкой, благодарили бога за то, что он «прибрал» их ребенка[1].

Вообще забота о малых детях не была в обычае крестьянской семьи. Как писал, повествуя о крестьянском детстве в середине прошлого века Д. В. Григорович, «самый нежный отец, самая заботливая мать с невыразимою беспечностью предоставляют свое детище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическом развитии ребенка, которое считается у них главным и в то же время единственным, ибо ни о каком другом и мысль не заходит им в голову. Не успеет ребенок освободиться от пелен, как уже поручают его сестре, девчонке лет четырех или пяти...»[2].

Неоднозначными могли быть и экономические соображения, связанные с многодетностью. Конечно, когда дети вырастали, они способствовали укреплению хозяйства, обеспечивали старость родителей. Но в условиях очень высокой смертности многие из рожденных детей, а то и все могли и не дожить до совершеннолетия, и тогда все затраченные на них труды пропадали даром. Если же дети выживали, крестьянской семье приходилось пережить трудный период прежде, чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу.

Кроме того, в условиях русской деревни парни до совершеннолетия, а девушки до замужества оставались на иждивении родителей еще и в том смысле, что на них не выделялась земля. И чем больше имелось несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материальное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным.

Все это говорит о том, что у крестьянской семьи — пусть лишь в некоторых случаях — могли быть определенные «резоны» для того, чтобы хоть немного ограни-

---

[1] *Внуков Р. Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929, с. 17.

[2] *Шингарев А. И.* Указ. соч., № 9. с. 25.

[1] См.: *Грязнов П.* Указ. соч., с. 168; *Жбанков Д. Н.* Указ. соч., с. 85 и др.

[2] *Григорович Д. В.* Избр. произвед. М.—Л., 1959, с. 87.

чить число рождений, ослабить страшную нагрузку, ложившуюся на плечи женщины, облегчить развитие едва становящегося на ноги хозяйства и т. п. Между тем ничто не указывает даже на самую малую распространенность внутрисемейного регулирования деторождения в традиционной русской деревне. Почему? Видимо, это объясняется поглощением индивидуума сельской общиной, категорической необходимостью выполнять общепринятые нормы поведения, требования религии.

Рассуждая «рационально», с точки зрения современного человека, крестьянин мог бы в одних случаях посчитать целесообразным иметь больше детей, в других — меньше. Но русский крестьянин прошлого века был человеком другой эпохи, у него была иная психология, соответствовавшая историческим условиям своего времени. *Объективно* высокая рождаемость в русской деревне диктовалась социально-экономическими условиями. В этом смысле она была закономерной и рациональной. Но поскольку крестьянство не сознавало закономерность и социально-экономическую необходимость высокой рождаемости, не стремилось сознательно на нее воздействовать (в сторону понижения или повышения), то, имея в виду и *субъективную* сторону, рождаемость в среде крестьянства следует назвать *стихийной*. Крестьянин не был — как это ни покажется парадоксальным — субъектом демографических процессов и явлений, имевших место в российской деревне XIX в. Он являлся всего лишь пассивным исполнителем «воли» социально-экономических законов, вследствие чего воспроизводство крестьянства было стихийным процессом.

Несколько слов следует сказать об отношении ко внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, родившиеся у вдовы или девицы и не узаконенные через последующий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, родившей ребенка вне брака, грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покидать деревню, бежать в город и попадала в публичный дом.

Незавидна была и доля незаконнорожденных детей, особенно девочек. Без семьи, без родственников, без помощи и поддержки — родные «согрешившей» матери, как правило, отворачивались и от нее и от ее ребенка, а отец по закону не обязан был содержать внебрачных детей — внебрачные дети жили париями в деревне. Их презирали, высмеивали, награждали унизительными кличками, вроде: «подкрапивник», «самосейка», «с-под кур петухов сын» и т. п.[1] Внебрачные дети не получали никакой материальной помощи от государства и общины. Однако при достижении совершеннолетия мужчины в крепостное время, как правило, а в пореформенное время — при наличии земли — получали надел.

Не удивительно, что при подобном отношении ко внебрачной рождаемости она была невелика в русской деревне, «незаконные» рождения составляли здесь около 2% всех рождений. Правда, многие исследователи считают, что действительное число внебрачных детей у крестьян было больше, чем официально зарегистрированное, так как незамужние крестьянки стремились при возможности рожать детей в городе, где и регистрировался новорожденный. Однако большого влияния на показатель внебрачной рождаемости это обстоятельство оказать не могло. В целом по Европейской России доля внебрачных рождений была выше, чем только у сельского населения, но не намного: она не превышала 2,5—3%.

Если попытаться суммировать взгляды русских крестьян, относящиеся к демографическому поведению, то в самом общем виде можно сказать следующее. Брак и дети — святое дело. Православный человек обязан иметь семью и детей, и чем раньше, тем лучше. Холостое состояние — безнравственно. Дети — божья благодать, противодействовать каким бы то ни было способом зачатию и рождению — грех. Детей рождается и умирает столько, сколько богу угодно. Развод — невозможен, но в случае смерти мужа или жены, если трудно содержать семью и вести хозяйство, второй брак — желателен и полезен. В совокупности эти взгляды и образовывали социально-психологическую модель демографического поведения, т. е. поведения, желательного, идеального с точки зрения крестьянства.

Имеющиеся сведения позволяют думать, что соответствующий этой модели тип поведения, сложившийся у русского крестьянства задолго до XIX в., не претерпел принципиальных изменений и в продолжении исследуемого периода. Незначительные перемены затронули лишь некоторые губернии с развитым отходничеством, которые

[1] См.: *Кузнецов Я.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. Спб., 1904.

лежали вблизи столиц и крупных городов и были связаны с последними тесными экономическими, торговыми и культурными отношениями.

Отходничество, служащее хорошим показателем влияния городской культуры на деревню, хотя и развивалось успешно после 1861 г., все же не достигло к началу XX в. таких размеров, чтобы могло поколебать всюду деревенские устои. В 1891—1900 гг. в целом по Европейской России паспорта (разрешения на отход) в переводе на годовые брали не более 5,3% крестьян[1]. По единодушному мнению современников, новые веяния в семейно-брачных отношениях только-только начали проникать в деревню в конце XIX в. и даже к началу 20-х гг. XX в. не успели сколько-нибудь существенно изменить традиционную модель демографического поведения.

Соответствовала ли модель демографического поведения русского крестьянина социально-экономическим условиям, в которых ему приходилось жить в XIX — начале XX в.? Представляется, что соответствие это существовало лишь в дореформенное время. До 1861 г. растущее сельское население в подавляющем числе губерний без труда находило себе применение в деревне. Но уже первое поколение, родившееся после отмены крепостного права, стало испытывать малоземелье. С 80-х гг. XIX в. в центральных российских губерниях возникло аграрное перенаселение. Это было относительное перенаселение, коренные аграрные преобразования в состоянии были устранить или даже не допустить его. Однако в условиях пореформенной России с низкой производительностью и интенсивностью крестьянского труда, крепостническими пережитками, помещичьим землевладением, недостаточно быстрым ростом городов и промышленности растущее сельское население не находило себе производительного применения, а его быстрый рост стал фактором, усугубляющим бедственное положение крестьянства.

К тому же с 70-х гг. вследствие улучшения медицинского обслуживания населения наметилась тенденция к снижению смертности, которое не компенсировалось некоторым снижением брачности. В результате естественный прирост населения увеличился. В условиях снижа-

---

[1] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения... Европейской России, ч. 3. Спб., 1903, с. 226.

ющейся смертности традиционная высокая рождаемость, вполне оправданная в прежние времена, становилась анахронизмом. Однако усвоение крестьянами новой модели демографического поведения тормозилось невежеством, неграмотностью, забитостью крестьянства, существованием реакционного политического режима. Так, демографические процессы в деревне еще более обостряли аграрный вопрос.

Русское православное крестьянство составляло часть — хотя и бо́льшую — населения России. Той же или иной модели демографического поведения придерживались другие социальные и национальные группы населения? Статистические материалы свидетельствуют о том, что до 60-х гг. XIX в. и в городах господствовала неограничиваемая рождаемость, так как коэффициент рождаемости превышал 45‰; высокая смертность, превышавшая сельскую; высокая брачность была лишь немногим меньше, чем в деревне. Возраст вступления в брак в городе был выше, но в основном у мужчин, а горожанки выходили замуж почти столь же молодыми, как и крестьянки. Редки были разводы и господствовали строгие семейные нравы[1].

Мы не находим существенных различий в рождаемости, брачности и смертности и между отдельными сословиями, а также различий в демографических показателях между многими районами Европейской России. Статистические данные показывают, что сельское население Белоруссии, Украины и нерусские народности Поволжья по уровню рождаемости, смертности, брачности до 60-х гг. XIX в. не отличалось сколько-нибудь существенно от русских крестьян[2].

---

[1] См.: *Луканин А.* О движении народонаселения по Соликамскому уезду за 1841—1850 гг., с. 261—268; *Его же.* О движении народонаселения по Чардынскому уезду; *Попов В. А.* Движение народонаселения в Вологодской губернии. — В кн.: Записки РГО по отделению статистики. Т. 2. Спб., 1870, с. 219, 235—239; Ведомость о числе родившихся, браком сочетавшихся и умерших православного вероисповедания в Московской губернии за 1850 г. — Архив РГО, разряд 22, оп. I, д. 3; *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX в. М.—Л., 1957.

[2] См.: Статистические сведения о населении Лифляндской губернии. — Архив РГО, разряд 49, д. 9; Статистические сведения о населении Эстляндской губернии. — Архив РГО, разряд 49, д. 10; *Антонов В.* Ведомость о народонаселении крестьян Васильковского уезда Киевской губернии за 1858 и 1859 гг. — Архив РГО, разряд 16, д. 2; *Смановский А.* О смертности сельского населения Малороссии. Спб.,

Русское, украинское, белорусское население, а также национальные меньшинства мусульманского вероисповедания в начале XX в. придерживались традиционной модели поведения.

Начиная с 60—70-х гг. XIX в. статистика фиксирует возрастающие различия демографических показателей между городским и сельским населением, разными социальными группами и народами Европейской России. Это говорит о том, что в этот период у городского населения, а также у сельского населения на западной границе России: у латышей, литовцев, эстонцев и поляков — стала постепенно зарождаться новая модель демографического поведения, для которой характерны сравнительно поздний брак, значительная доля холостых и незамужних, распространенность разводов, внутрисемейное регулирование деторождения и сравнительно высокая внебрачная рождаемость. Русское сельское население в основном стало переходить к этой модели только в советское время, уже в совершенно иных политических и социально-экономических условиях.

1891; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Движение народонаселения России с 1838 по 1847 гг. — В кн.: Сборник статистических сведений о России. Изд. Импер. РГО, кн. I. Спб., 1851, с. 59—88; *Кайпиша Е. И.* Движение народонаселения в России с 1848 до 1852 гг. *Там же,* кн. 3. Спб., 1858, с. 429—464; *Корасаков С.* Законы народонаселения в России. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи. Изд. статистич. отд. Минист. внутр. дел. Ч. II. Спб., 1841, с. 219—307; «Военно-статистический сборник», вып. IV, с. 51—67 и др.

А. Г. Вишневский

РАННИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Стремительное снижение рождаемости, происходившее в СССР в течение нескольких последних десятилетий и не прекратившееся еще и сейчас, нельзя понять, если не обратиться к его отдаленным историческим истокам.

Дореволюционная Россия была страной очень высокой рождаемости, спустя примерно десять лет после революции рождаемость в стране стала быстро падать. Связано ли это падение только с новыми социально-экономическими условиями или оно было подготовлено всем предшествующим развитием? Если верно последнее, то в чем заключалась такая подготовка и была ли она повсеместной?

Еще и сейчас существуют огромные различия в рождаемости между отдельными районами СССР, можно предположить, что в основе своей — это различия исторические. Но чтобы убедиться в этом, лучше понять корни этих различий, следует обратиться к истории. И прежде всего нужно исследовать важнейшие черты и тенденции рождаемости того исторического периода, который непосредственно предшествовал современному — пореформенной эпохи, эпохи развития российского капитализма с 1861 по 1917 г.

Достоверные статистические данные о рождаемости за весь интересующий нас период имеются лишь по 50 губерниям Европейской России. Эти данные и анализируются ниже, хотя, как мы полагаем, сделанные на основе такого анализа выводы помогают понять процессы, происходившие и в других частях страны.

На протяжении всей пореформенной эпохи, вплоть до Октябрьской революции, рождаемость в Европейской России была намного выше, чем в передовых капитали-

Средняя продолжительность жизни при рождении, равная 32,7 года для мужчин и 36,1 года для женщин, — показатель для конца XIX в. очень низкий. Он свидетельствует о весьма высоком уровне смертности в капиталистическом городе. По этому показателю население Харькова значительно уступало сельскому населению Украины. В других возрастах средняя продолжительность жизни у женщин оказывалась в Харькове, как правило, выше, чем в уездах, у мужчин же худшие показатели сохранялись в Харькове во всех возрастах.

Однако если сравнивать Харьков с другими крупными городами, то его показатели средней продолжительности жизни оказываются отнюдь не самыми худшими. Петербург, Москва, Киев заметно уступают Харькову. Даже если ставить под сомнение правомерность сравнения e_0 для этих городов (из-за особо высокой смертности детей в воспитательных домах Москвы и Петербурга), то сравнение e_x для других возрастов убеждает в том, что смертность в этих городах была еще выше, чем в Харькове.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Б. Ц. Урланис. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти 8

Р. М. Дмитриева, Е. М. Андреев. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти 28

И. П. Ильина. Влияние войн на брачность советских женщин . 50

Р. И. Сифман. Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. 62

Б. Н. Миронов. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. 83

А. Г. Вишневский. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России 105

О. В. Марченко. Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. 135

М. С. Тольц. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. 138

Г. И. Чертова. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников 154

А. Л. Перковский. Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX столетия 167

М. К. Караханов. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия 191

Х. Палли. Воспроизводство населения Эстонии в XVII—XIX вв. 214

М. В. Курман. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) 230

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ
В РОССИИ И В СССР

Рецензенты: *В. А. Борисов, В. И. Козлов*
Редактор *Л. Л. Щербакова*
Мл. редактор *И. Ю. Кателевская*
Корректоры *Г. А. Башарина, Н. П. Сперанская*
Техн. редактор *Л. Г. Челышева*
Худ. редактор *Т. В. Стихно*
Переплет художника *И. И. Карпикова*

ИБ № 486

Сдано в наб. 17/VI 1977 г. Подп. к печ. 16/XI 1977 г.
Формат бумаги 84×108[1]/32 Бумага № 2. Объем 7,75 печ. л.
Уч.-изд. л. 13,55 Усл. п. л. 13,02 Тираж 19000 экз. А 14438
(Тематич. план 1978 г. № 41) Заказ 1376 Цена 95 коп.

Издательство **«Статистика»**, Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления
издательств, полиграфии и книжной торговли
Псковского облисполкома, г. Великие Луки,
ул. Полиграфистов, 78/12